

Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации

Лидия ЕНИНА, доцент филологического факультета Уральского государственного университета

Я очень рада поделиться результатами своих исследований с журналистами-практиками. Тема моего сегодняшнего разговора - речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации. Прежде чем перейти к теме выступления, я хотела бы определиться в соотношении понятий "мультикультурализм", "толерантность" и "речевая агрессия". В узком понимании мультикультурализм можно трактовать как религиозно-этнический плюрализм. Религиозно-этнический плюрализм как факт присутствует в нашей социальной жизни. При этом главной целью любой культурной группы, религиозной или этнической, является воспроизводство собственной духовной жизни: передача общего менталитета, общих ценностных установок. То есть воспроизводство духовной жизни проявляется в весьма конкретных требованиях предоставления, например, зданий для проведения общих собраний, общих праздников, для школьного специализированного обучения и т.п. Таким образом мультикультурализм подразумевает сосуществование различных культурных групп в едином, общем социальном пространстве. Если понимать мультикультурализм как религиозно-этнический плюрализм, то толерантность есть готовность к неагрессивному принятию чужих, других культурных установок и способность взаимодействовать с ними. Толерантное отношение требует гораздо более внимательного рассмотрения, поскольку толерантность не есть факт нашей общественной жизни.

Толерантность может распространяться как на религиозные или этнические группы, так и на взаимодействие социальных групп. Толерантность может проявляться как отношение и как поступок, то есть наше внутреннее отношение и наши непосредственные действия. Говоря о речевой толерантности, мы скажем, что речевая толерантность - это, прежде всего, проявление внутренних поведенческих установок в речи, в текстах.

Следующий шаг - обращение к речевой агрессии. Речевая агрессия - это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Можно говорить о двух вариантах проявления случаев речевой агрессии в текстах. Во-первых, автор прямо призывает адресата к агрессивным действиям. Во-вторых, автор подачей предмета речи вызывает или поддерживает агрессивное состояние адресата.

Если вы, скажем, обратитесь к собственному опыту и вспомните, что вас сильно раздражило в последнее время, что в вас вызвало агрессивное состояние, у каждого это будет свой личный, индивидуальный случай. Выбор большой, жизнь предоставляет много возможностей для этого агрессивного состояния. Но меня интересует не конкретика, то есть какая ситуация у вас вызвала агрессию, а ее следствия, что за ней следует? Психологи нам ответят, что мы все испытываем чувство агрессии в том случае, если сознательно или бессознательно чувствуем угрозу: угрозу себе, своим близким, своему комфорту, угрозу привычному укладу жизни, и чувство угрозы вызывает неприятие, отталкивание и агрессивное состояние. Следующий шаг после агрессии - это подозрительность, поиск виновных в нашем дискомфорте.

Вот этот же самый механизм действует в социальных группах. В 90-е годы большинство населения России испытало чувство утраты, девальвации привычных ценностей, исчезли или поменялись ценностные ориентиры в жизни. И это вызывает глубинное чувство агрессии. Большая часть населения сегодня испытывает чувство униженности как на личностном, так и на социальном уровне (врачи, учителя, рабочие) и

отождествляет себя с притесняемыми. Для притесняемого свойственно гипертрофированное чувство психологической униженности, вызванное отсутствием покупательской способности. Дальше следует любимый русский вопрос: а кто в этом во всем виноват? И начинается поиск врагов.

Опираясь на лингвистический анализ текстов, можно выделить несколько образов врага в современной прессе. Во-первых, это враг в виде власти, власть имущих. Это могут быть политики, которые называются прямо (Ельцин, Россель, Колмогоров), и политики всех уровней властных структур, названные обобщенно (власть, чиновники, демократы). Этот, назовем условно, политический образ врага включается в текстах в оппозицию "народ и власть".

Во-вторых, враг ищется среди этнически чужих на фоне доминирующей этнической группы русских. Прошу прощения, но мне, чтобы не быть голословной, придется перечислить в качестве примеров те наименования чужих, которые проявляются в нашей местной прессе: чернокожие, жида, чурки, и так далее. Лексика, имеющая негативную окраску и находящаяся за пределами литературного языка, выплескивается на страницы газет и способствует развитию агрессии, взращивает, подпитывает нашу агрессию. В таких случаях речь идет уже не о толерантном отношении к чужим, а о недопустимом в прессе лингвистическом воплощении интолерантной позиции. Другими словами, для журналистов должна быть значима не только пропаганда толерантного отношения к чужим, но должна быть значима речевая толерантность в случае демонстрации нетолерантной позиции.

В-третьих, следующий образ врага, который у нас появился в прессе примерно с середины 99-го года - это внешний враг, который встраивается в исторически и культурно маркированную оппозицию "Россия - Запад". В связи с образом внешнего врага уместно вспомнить о том, что преодолению социальной униженности может поспособствовать формирование положительного "Мы"-образа. Однако, по данным федеральной и местной прессы, в России положительный "Мы"-образ начинает формироваться в рамках тоталитарного мышления. То есть мы ищем врага извне, чтобы показать, какие мы хорошие. И, к сожалению, примеры подобного противопоставления встречаются даже в таких государственных изданиях, как "Российская газета". Эта газета первого сентября 2001 года открывалась статьей о программисте, которого привлекают за действия с компьютерными программами в Соединенных Штатах Америки. И призыв на первой странице российской газеты: давайте поможем, почему наш русский парень окажется в суде в Соединенных Штатах, в руках американцев? То есть дело не ставится на легальную основу "виноват - не виноват", а все сводится к противопоставлению "русский парень - американцы", которые его захватили или хотят его лишить свободы.

Еще одно противопоставление: "провинция - столица". Например, в общественно-политической газете "Провинциальная хроника" в "Слове редактора" на первой полосе говорится о том, какие проблемы будут рассмотрены в новой газете, и для кого создается новая газета. Читателей газеты объединили в социальную группу "провинциалов". С каким достоинством говорится в статье о провинции, цитирую: "Что такое провинция? Все, что не Москва. Не только. Это образ жизни: патриархально-размеренный, неторопливый, консервативный, это устойчивость быта, близость почвы, устойчивость от новомодных и всегда преходящих веяний, это ощущение дома, родины". Редактор вправе писать о том, что является достоинством провинции, формировать положительный "Мы"-образ своих читателей, но опять же способ формирования сводится к оппозиции. Для подчеркивания достоинств необходим отрицательный пример. Вот цитата: "Все последние годы много ведется разговоров о местном самоуправлении, возврате к земствам, только все эти разговоры пустые, потому что они ведутся из столицы, и ведут их те самые дяди и тети, которые не видят

ничего дальше Садового кольца и откровенно считают, что в Москве живут люди первого сорта, в других крупных городах - второго, а вся остальная Россия идет за третий сорт". Обратите внимание, господа журналисты, на причинно-следственную связь, которую выбирает автор: разговоры пустые, потому что ведутся они в Москве. Почему автор считает себя вправе рассортировать людей и еще, используя уловку в аргументации, приписывать эту классификацию своему заочному оппоненту? Конечно, есть разница в экономической и культурной жизни больших и малых городов России, но нельзя вводить оценочную оппозицию: в малых городах люди хорошие, а в больших - плохие. Этот текст также вписывается в тексты, вызывающие и/или поддерживающие агрессивное состояние читателей. Потом чувство униженности компенсируется чувством морального превосходства, поскольку еще в христианской этике господствовала максима: бедные обладают большим духовным потенциалом, чем богатые. Богатым быть грешно. И снова цитата из этой статьи: "Трудно, холодно и голодно живет сегодня провинция в отличие от заживевшей и потерявшей всякий стыд столицы". Ну, почему опять вводится противопоставление "бедная провинция - заживевшая Москва"? Отрицательный образ жителей столицы передан метонимически (житель столицы - столица), с указанием на отталкивающий внешний вид (заживевшая) и на низкий моральный облик (потерявшая стыд). Интересно, можно ли говорить о различиях образа жизни жителя провинции и жителя столицы без формирования оценочной оппозиции? Но самое любопытное, как автор заканчивает статью: "Противостояние "столица-провинция" ничего хорошего нам не сулит, и ничего не создать в России против воли и характера народа, того самого, что как раз и живет в провинции". Если автор в конце статьи резюмирует, что не стоит противопоставлять провинцию и столицу, то чем он занимался до этого? Такое окончание статьи говорит об одном: журналист не подвергает критическому анализу собственный текст, не обращает внимания на речевые способы выражения смысловых оппозиций.

Другой пример газетного текста с оппозицией "провинция - столица": текст называется "Лица московской национальности" (газета "Березниковский рабочий"). Уже в заголовке трансформируется прецедентный текст, отражающий негативное отношение к этнически чужим: лица кавказской национальности. Автор выступает от имени народа пермской области, который противопоставляется (цитирую) "московскому мышлению, московской самовлюбленности, московскому эгоизму, московскому презрению к России в целом". Другая цитата: "Еще одно отличие лиц московской национальности от русского народа - мы-то люди добрые, не циничные, не злобные, к падшим сочувственные". Но я, пожалуй, не сказала главного. Этот текст "Лица московской национальности" является агитационным, его основная мысль: не голосуйте за кандидата в депутаты Государственной Думы NN. И главным аргументом является территориальная принадлежность кандидата. В вину этому кандидату вменяется даже его неуральское, московское произношение. И получается, что журналисты, с одной стороны, в силах внедрить некий стереотип в общество, а с другой - могут эксплуатировать стереотип массового сознания, как делается в этом тексте. Почему использование такой аргументации может быть отнесено к речевой агрессии? Да потому, что подобная аргументация только увеличивает агрессивный настрой читателей, тиражирует негативное отношение к социальной группе и, в конце концов, никак не способствует распространению толерантной позиции в обществе.

Еще одна оппозиция: "бедные - богатые". Вот несколько примеров. Заголовок гласит "Элите - дворцы, горожанам - хижины". Далее приводятся фактические данные: сколько жилья построено в Екатеринбурге. Не элитного, а обычного. С одной стороны, конечно, любой заголовок призван привлекать внимание. С другой стороны, он построен на эмоциональном стереотипе, на том, чтобы заострить это агрессивное отношение к тем, кто богаче, кто может позволить себе элитное жилье. Добавлю, что на речевом уровне здесь используется прецедентный текст: "Мир - хижинам, война - дворцам", - ассоциативно напоминающий о революционных восстаниях. То есть отрицательные

эмоции, поддерживающие агрессивное состояние адресата, привносятся в текст не оправданно, безосновательно.

Второй текст, это "Областная газета", рубрика "Странные взрослые". В этой газете существует страничка для юнкоров, где пишут дети, собирающиеся поступать на факультет журналистики. В тексте описывается ситуация, свидетелем которой оказалась автор, назовем ее Надя. Суть ситуации: двенадцатилетний мальчик сам модернизировал свой велосипед всевозможными техническими приспособлениями и прочим. Увидев этот велосипед, один молодой человек предложил мальчику купить его. Мальчик не согласился. Принимаясь за лингвистический анализ текста, констатируем, что облик молодого человека не конкретизирован, это представитель, так скажем, неоднородного общества чужих, богатых. Мальчик с велосипедом - представитель "наших": делает своими руками удивительные вещи и не хочет их продавать. С другой стороны, говорится, что мальчишка опешил, у него испуганные глаза, у него возник страх перед этим толстосумом. То есть на лексическом уровне при более внимательном рассмотрении реализуется совершенно знакомый стереотип. Опять же заостряется внимание на оппозиции "богатый-бедный", например, предпоследний абзац: "К мальчишке подошел один из толстосумов и начал дипломатично с ним беседовать". Замечателен контекст слова "дипломатично". Вообще-то, характеристика слова "дипломатично" положительна, дипломатично значит вежливо. Однако под влиянием слова с отрицательной оценкой "толстосум", а также под влиянием эмоциональной окраски стереотипа "богатый" слово с положительной окраской "дипломатично" теряется, тонет в общем отрицательном контексте. В этой заметке использована скрытая речевая агрессия. На поверхности здесь использовано одно оценочное слово "толстосум", еще выражение "богатый дяденька". В слове "дяденька" уменьшительно-лакскательный суффикс передает уничижительную характеристику человека. Скрытая речевая агрессия присутствует здесь на уровне оценочной оппозиции во всем тексте: богатые - плохие, бедные - хорошие. Я не берусь сказать, сознательно или бессознательно ребенок реализовал оппозицию в этом тексте, но она есть. Это факт. Я показала этот материал потому, что это написал подросток. То есть наши стереотипы сидят не только в наших головах, мы передаем их и детям, которые бессознательно усваивают интолерантное поведение, видение себя и других в черно-белых цветах.

Итак, агрессия в газетном тексте практически всегда присутствует, так как чаще всего журналисты пишут об отрицательных событиях, о плохих новостях. Но речевая агрессия может быть снижена. Снижена за счет снятия прямых оценочных оппозиций, поддерживающих черно-белую картину мира. Снижена за счет отсутствия грубых оценочных выражений образов "чужих". Снижена за счет аналитического подхода к своим и чужим текстам. Когда человек начинает думать, агрессивное состояние, скажем так, энергетически уходит в умственную деятельность. Статья из "Комсомольской правды", страшная статья, которая называется "Как беременных коров зарезали за долги". Элитное стадо должно было пойти под нож, потому что колхоз терпел убытки. Достаточно тяжелая информация, я не буду это зачитывать, но заканчивает журналист следующим образом: "Этот жуткий случай просто перепахал животноводов района. По всем хозяйствам ведут собрания. Не поверишь, даже пить побросали. И вот результат: таких удоев, как в этом месяце, район не знал очень давно. Так что эта история, может быть, отрезвила людей, а значит, не все еще потеряно. Будет и на нашей улице мясо". Я не могу сказать, насколько достоверна эта концовка. Раз журналист сказал, что удои увеличились, значит, это правда, журналисту надо верить. Но вот этот маленький абзац хотя бы не оставляет читателя наедине с безысходностью, отчаянием.

И еще один пример выхода на толерантные позиции в тексте. Это статья по защите прав подсудимых. Порой считается, что если человек попал в следственный

изолятора, то он уже осужден и виновен. Тут статья посвящена тому, что тяжелобольного подследственного запрещают перевести в больницу. Цитата: "Документ этот принес адвокат обвиняемого, который так же, как и мы, с такой бумагой впервые столкнулся в своей практике. Личность самого обвиняемого, честно говоря, нас в данном случае интересовала мало. На этом месте мог быть любой подозреваемый в преступлении человек (Иванов, Петров, Рабинович). Но документ, представленный адвокатом, нас действительно удивил". В этом тексте нет агрессивной лексики, отрицательных стереотипов, но автор предусматривает реакцию массового читателя на фамилию подозреваемого (Арташан), и он нейтрализует эту реакцию, намеренно вводя в текст фамилии Иванов, Петров, Рабинович. И словесно это объясняет - нас не интересует личность. Здесь мог оказаться любой другой. Налицо тот самый аналитический подход к снятию даже предполагаемой реакции на стереотипы. И в конце журналист заканчивает: "Но даже если бы подследственный Арташан был опасным рецидивистом, отказаться перевести его из СИЗО в больницу с такими симптомами осмелились бы только уж особенно плохо настроенные в отношении конкретного подследственного люди". То есть журналист вновь подчеркивает, что даже если это рецидивист, он достоин человеческого отношения в стенах следственного изолятора. Вот вам толерантное отношение к социальной группе, которая редко у нас вызывает положительные эмоции.

Разумеется, оппозиция "богатые - бедные" не выдумана журналистами, она есть в жизни. Конечно, в СМИ подобное противопоставление не может быть снято вообще, как будто его нет. Различия есть, и в газетных текстах нужно стремиться не к нивелировке различий, а к описанию этих различий, стремиться к указанию на них без оттенка агрессивности или оттенка пренебрежительности. Оценочная шкала, оценочные оппозиции в текстах как раз работают на проявление черно-белого мышления, того самого тоталитарного, от которого мы пытаемся отказываться. Как избавиться от черно-белого видения? Я рискую показаться излишне оптимистичной, но мне кажется, что преодолению подобного контрастного мышления учатся как раз в спорах, дискуссиях. Когда мы разговариваем, когда мы спорим, мы - каждый из нас - начинаем различать оттенки и полутона, которые так важны в мультикультурном мире. Поэтому мне кажется, что развитие идей толерантности и мультикультурализма - это, прежде всего, работа конкретных журналистов.

И уж совсем в конце, чтобы поставить точку в нашем разговоре, приведу цитату. Как писал известный борец за мир Махатма Ганди, которого сегодня редко цитируют: "Необходима достаточно напряженная подготовка, чтобы ненасилие (нашими словами - толерантность) стало составной частью менталитета". Так вот, основной груз этой напряженной подготовки изменения менталитета ложится на журналистов.